

АЛЕКСЕЙ АРГУН

КОНСТАНТИН КОВАЧ И АБХАЗСКАЯ ПЕСНЯ

АЛЕКСЕЙ АГРУН

КОНСТАНТИН КОВАЧ И АБХАЗСКАЯ ПЕСНЯ

Издательство «Алашара»

С У Х У М, 1995 г.

НУСТА НОВА

Книга эта, автором которой является писатель, доктор искусствоведения, профессор АЛЕКСЕЙ АРГУН, посвящена творческой деятельности известного фольклориста, собирателя и пропагандиста абхазского народного песенного наследия — Константина Ковача.

Венгр по происхождению — К. Ковач, страстно влюбленный в абхазский музыкальный фольклор, собрал и записал несколько сот песен и танцевальных мелодий. Издал такие книги, как: «101 абхазская народная песня», «Песни Кодорских абхазов» и другие.

К. Ковач на материале абхазских народных мелодий сам написал десятки произведений для симфонического оркестра.

Он является основателем Сухумского музыкального училища, симфонического оркестра и оркестра абхазских народных инструментов.

За огромные заслуги перед абхазским искусством К. Ковачу было присвоено звание «Заслуженный деятель искусств Абхазии».

Обо всем этом обстоятельно рассказывает профессор А. Аргун в книге «Константин Ковач и абхазская песня».

Века сменяют друг друга... Люди появляются на земле, трудом своим озаряя эту землю и саму жизнь. Создают семьи, оставляя потомство, духовную красоту — песни и танцы. Прекрасно поют и лихо танцуют, храбро защищают Родину. Прощаются с жизнью одни тихо, незаметно, а другие навсегда оставляют потомкам о себе героическую память. Да, природа никого не щадит — ни храбреца, ни труса... Память же народная цепко хранит и красивые задушевные песни, героические сказания, и умно сказанное меткое слово. Потому человечество, ныне говорящее на более двух тысячах языках, может гордиться своими музыкальными фольклорными формами. В них люди слышат не только чарующие мелодии, но через них узнают историю своего народа, ощущают магическую силу родных и понятных звуков, а через это — тепло земли предков.

Более тридцати лет тому назад, еще студентом, автор этих строк исходил многие села Абхазии, с единственным желанием побольше найти и записать родной уникальный фольклор. В селе Атара судьба свела меня с удивительным человеком — старцем редкой красоты Соулахом Бутба — сказителем, певцом, танцором и большим знатоком абхазского музыкально-хореографического фольклора. Тогда он сказал мне: «Сынок, тот, кто слышит песни предков, не почувствует радостную дрожь в теле и душа его при этом не раскроется к добру и любви или же к праведному гневу, тот не абхаз, не сын своего народа... Мне уже более ста лет, а как слышу «Абхазскую плясовую» или, к примеру, «Азар» — гимн всадников, не могу усидеть на месте и ноги сами идут в пляс! А потом обязательно тянет усесться на коня и погарцевать».

Прав долгожитель, ибо абхазец изноков веков жив именно своими неповторимыми песнями, берущими свое начало из глубины веков. И мой собеседник — Соулах Бутба — все услышанное им за свою жизнь, сохранил в сердце и памяти, как истый потомок героев нартов.

Что и говорить, богата Абхазия народными талантами! Тому подтверждением служит всемирно известный ансамбль абхазских долгожителей «Нартаа», чей внешний эстетический вид гармонично сочетается с самими песнями — героическими по духу, красиво-мелодичными и очаровывающими душу. Поистине, сила народной песни настолько велика, что не поддается даже разрушительному воздействию времени... И прекрасно, что современная техника звукозаписи может фиксировать уникальные россыпи народных творений, что дает в полной мере потомкам слышать песни предков!

Эти строки я пишу, слушая пластинки с записями абхазской народной фольклорной музыки. И снова убеждаюсь в том, что пока жив национальный генофонд, говорящий на родном языке, равно как и песни с нравственными канонами предков — жива и действует история самого народа. А с ней и топонимика, однозначно подтверждающая аборигенность каждого народа на своей родной земле.

Так и абхазские песни, рожденные тысячелетия тому назад, и по сей день разносятся в горах и долинах Абхазии, ибо они звучали именно в ее горах и над морем. Песни — звонкие и протяжные, kloкочущие и стремительные, словно горные водопады родной почвы, или мужественно-возвышенные, которыми народ всегда стремился заявить о своих героических деяниях, равно как и воинствующими танцами.

С раннего возраста абхазец уже танцует на носках и делает это с легкостью необыкновенной, дарованной самой природой. Уверен, что подобные ощущения испытывает любой мой соплеменник, да и не только он...

Среди тех, кто был зачарован абхазской народной песней, оказался молодой человек — фольклорист и музыкант, венгр по происхождению, Константин Владимирович Ковач, о котором и расскажет читателю эта книжка. Я же вдохновенно поведу вас, дорогие читатели, за собой в мир абхазской народной музыки, в котором жил, восхищенный ею, Константин Ковач всю свою сознательную жизнь. Навсегда проникся сам абхазскими народными песнями, историей Абхазии, духом абхазским. Влюбленный в это, Константин Ковач скрупулезно собирал и за-

писывал абхазский музыкальный фольклор, самообразовываясь духовно и эстетически. Познавая историю абхазскую — тяжелую, горестную, сам соперничал абхамам и музыку свою начал писать под влиянием героизма наших предков. Собирали песни абхазские по крупицам, все записывал на нотный стан, оставляя их для истории, для всей мировой цивилизации. Но, увы, сие благородное дело было недолгим, Константина Ковача вынудили уехать из полюбившейся ему страны абхазов — Аpsны. Да, он был изгнан, но не абхамами... Это случилось годы спустя его жизни в Абхазии, мы же начнем рассказ с ранней юности будущего композитора и фольклориста Константина Ковача.

Подросток-пианист... Худенький, стройный. Тревожные, а порой очень печальные глаза его устремлены на нотный стан. Мелодичные звуки, извлекаемые хрупкими юными пальцами сливаются в общую стройную музыку, исполняемую оркестром. Одиннадцатилетний пианист Севастопольского городского оркестра! Что это? Было нечем заменить подростка?! Нет! Просто добрые люди хотели помочь талантливому мальчику хоть как-нибудь преодолеть нужду, пробиться ему в мир большого искусства. Учеба в гимназии, в музыкальной школе, а в свободное время — работа в оркестре — все это отразилось на его здоровье, но об этом позже. А сейчас познакомимся с этим удивительным явлением и человеком.

Ковач Константин Владимирович. Имя это очень о многом говорит людям старшего поколения. Нет почти ни одного села в Абхазии, где он бы не побывал и нет старца-абхаца, который бы не помнил о нем. Поистине, этот человек сделал для абхазской музыкальной культуры столько, сколько не способны, может быть, сделать и десятки талантливых музыкантов.

Молодой красноармеец в буденовке участвовал в штурме Перекопа. Пробыв три года в армии, был демобилизован по болезни и работал в отделе народного образования в Ростове-на-Дону. А потом, Константин Ковач приезжает в Абхазию подлечить слабые легкие и остается здесь, чтобы посвятить себя любимому делу. С момента прибытия в Абхазию, он уже в гуще событий музыкальной жизни республики. Знакомится с выдающимся дея-

телем абхазской культуры Дмитрием Гулиа и привлекает к себе пристальное внимание поэта, который берет над ним шефство, помогая Ковачу в деле организации экспедиций по городам и селам Абхазии. Научные сотрудники Абхазской Академии языка и литературы помогают ему в деле собирания абхазского музыкального фольклора, составив обширный план по изучению многовекового музыкального наследия. И во всем этом важном деле он один брал на себя всю тяжесть поисков. Бессонные ночи пролетали быстро, он даже не успевал переворачивать листки календаря. Торопился изучить нравы и обычаи абхазов, старался ближе узнать их психологию, познать нюансы их душевного движения. Он знал, что все это откроет перед ним удивительную сокровищницу народного искусства.

Совместная работа с видным абхазским деятелем в области музыки и театра Кондратом Дзидзариа была очень плодотворной. Блестящий певец и знаток народного музыкального фольклора К. Дзидзариа явился как бы «первоисточником», из которого К. Ковач черпал песни ранних эпох, дошедшие до нас из седой старины. Позже, Константин Ковач напишет в своем дневнике о Кондрате Дзидзариа: «Кондрат Федорович является не только организатором всей работы по сбору абхазских народных песен, но и самым умелым и чутким вдохновителем в особенно трудные моменты работы. Не скрою, что поначалу я сомневался в успехе этого предприятия и работал над записью песен не с должным вниманием, какое требуется при этом очень сложном деле. Кондрат Дзидзариа увлек меня идеей необходимости конечных результатов наших поисков, а также совместными поездками по Абхазии в самом начале работы. Кондрат Дзидзариа является крупнейшим знатоком абхазской песни, музыкально одаренным и музыкально воспитанным человеком».

Так, месяцы, годы шла напряженная работа над сбором музыкального наследия абхазов. Константин Ковач часто встречался с патриархом абхазской культуры — поэтом, прозаиком, историком, одним из основателей абхазского театра, собирателем устного народного творчества Дмитрием Иосифовичем Гулиа. И седовласый, похожий на библейского старца, Дмитрий Гулиа, восхищаясь

стройным красавцем венгром с абхазской душой, всегда давал необходимые дельные советы.

Как-то, Константин Ковач зашел к Дмитрию Гулиа, одетый в абхазский национальный костюм — черкеску с белоснежными газырями, мягкие сапоги, богато украшенным ремнем с серебряным кинжалом, перетянувшим тонкую талию. С теплотой взирал на своего любимца Дмитрий Гулиа, глаза его излучали добро и восхищение. Улыбаясь, спросил: «Куаста, ты и впрямь вылитый абхаз! Кто тебя так одел, а?» А музыкант ответил: «Моя жизнь, как видите, связана с абхазскими селами, целыми днями в седле. Не могу же выглядеть неуклюжим ездоком в европейском костюме на абхазском скакуне!» Показывая народному поэту ладно сидящий на нем абхазский костюм, Константин Ковач сказал, что сшит он для него по заказу Кондрата Дзидзариа из того же материала, что тот и сам носил. Конечно, появление Константина Ковача в селах в абхазском одеянии всегда вызывало восторг среди сельчан. Венгр стал для этих людей своим родным человеком. Еще бы, стройный красавец в богатом национальном наряде привлекал к себе взоры людские, множилось и число воздыхательниц...

Думаю, небезинтересным будет и эпизод из жизни Константина Ковача и Кондрата Дзидзариа в дни их плодотворной работы над записями абхазских песен. Об этом мне поведала известная абхазская актриса, народная артистка Республики Абхазия Марица Сейдыковна Куарчия-Пачалиа: «В один из дней, в 20-е годы, когда Константин Ковач ездил по абхазским селам, собирая музыкальный фольклор и одновременно присматривая учеников для музыкальной школы, он и появился во дворе нашего дома. О том, что мой отец — Сейдык Куарчия и я хорошо поем абхазские песни, он был наслышан от учителя и знатока народной песенной культуры Кондрата Дзидзариа. С ним и пришел он тогда во двор к Сейдыку Куарчия. Отец радушно встретил гостей, не подозревая, что те пришли послушать его песни о предках. По абхазскому обычаю гостей пригласили к столу, но еще не приступая к трапезе, один из них, помоложе, попросил отца поговорить с ним о песнях. Я растерялась, услышав его просьбу, даже подумала: «как можно просить

абхазца (хозяина дома!) только присевшего за обеденный стол, спеть его?! Наверное, гость не в себе... Он же нежно и деликатно снова стал просить спеть. Тогда отец удивленно обратился к Кондрату Дзидзариа: «Уара, Кондрат, ари нааугаз деилагоума?», что означает: «В уме ли гость наш?» Кондрат Дзидзариа поспешил подробно пояснить отцу цель их прохода. И тоже попросил уважить собирателя абхазского музыкального фольклора, прибавив, что тосты подождут. Несколько смущенный, отец все же снял со стены свою ахларцу и привычно начал наигрывать народные мелодии... Помню, как сегодня, первую песню, исполненную отцом, она называлась «Алу ашва» («Песня о жернове»), потом прозвучала «Песня охотников», и пошло-поехало... Про еду, конечно, забыли. Стыла мамалыга, покрасневшие от жарки цыплята, что лежали на подносе, слегка поблекли, но запах от них, смешавшийся с ароматом черного вина в стаканах, взывал к трапезе. Но... мужчины находились во власти абхазской народной музыки. Стройный, симпатичный пришелец — этот странный человек в черкеске и явно не абхазец — все задавал и задавал вопросы отцу, а мой отец по велению гостя все отвечал и пел, пел и отвечал. Я в оцепенении внимала всему происходящему... В тот день впервые увидела, каким образом записывается песня на бумагу. Под рукой Константина Ковача быстро возникали на листках какие-то знаки, закорючки, он едва успевал менять их под пение отца...

Наконец, сделали перерыв, закурили, но к еде никто не прикасался. Внимательно слушали отца, который мастерски рассказывал о песнях. Константин Ковач снова писал и теперь уже русскими буквами. Мне очень хотелось прочесть, но времена были не те, что сейчас. Могла ли девушка просто так подойти к незнакомому мужчине и через плечо заглянуть в его блокнот?! После долгих разговоров, увидев висящий на стене ачамгур (муз. инструмент), Константин Ковач попросил отца сыграть и на нем. И, конечно, услышав в ответ: «Мап, сара уи иасырхвадзом, ари ани ахага лоуп иазказоу», что означало: «нет, я не играю на нем. Инструментом неплохо владеет эта чудачка». Гость подозвал меня, а Кондрат Дзидзариа погладил по голове меня и мягко попросил сыг-

рать. Не знаю, почему я осмелела настолько, что взяла и выпалила: «Поешьте сначала, а потом я сыграю!» Мужчины рассмеялись и сели за стол. Я быстренько все подогрела и они, наконец, принялись за еду, да за тосты.

В тот день и мне пришлось, как и отцу, потрудиться над песнями. Так, впервые в жизни спела и сыграла Марица Сейдыковна Константину Ковачу и Кондрату Дзидзариа — большим знатокам народного абхазского фольклора. Не стесняясь, показывала она все то, чему учил отец. Много песен тогда записал Константин Ковач, которые, позже, вошли в сборник абхазских народных песен, изданный им. Расставаясь, он предложил Сейдыку обязательно отдать дочь, для продолжения учебы в Сухумское музыкальное учебное заведение. Но, как вспоминает Марица, отец категорически отказался, для того были свои причины. Во-первых, он не хотел остаться в доме один, во-вторых — не было в Сухуме близких родственников, у которых могла бы остановиться дочь, а самое главное, он не одобрял профессию музыканта. Сейдык попросту считал, что петь и плясать должен уметь каждый абхаз или абхазка и без всякой учебы. Находиться же специально для этого вдали от родного очага считал не серьезным занятием.

Позже, все-таки, при участии Константина Ковача, Марица Куарчия была зачислена в музыкальный техникум, а уже через год (он же) постарался перевести ее в Ленинградское музыкальное училище, как особо одаренную ученицу. Так, Константин Ковач не только собирал и записывал абхазские народные песни, но отбирал и готовил исполнительские кадры. Но первейшей его заботой оставались все же сбор и запись народных песен, которые он вскоре и включил в издание своей первой книги под названием «101 абхазская народная песня». Это сборник абхазских народных песен явился уникальным явлением в истории абхазской музыкальной культуры. Специалисты получили бесценный материал для познания духа народного, а история абхазского народа предстала человечеству через музыку, через мощно и гордо звучащие героические песни.

Книга эта состояла не только из нотных материалов с записями, но каждая песня была снабжена исторически-

ми справками, дававшими возможность взглянуть в глубь веков и услышать звучащую историю абхазского народа. Немалая часть богатейшего кладезя народного творчества благодаря Константину Ковачу была вызволена из исторического забвения и вновь зазвучала в полный голос. Надо сказать, что до Константина Ковача никто профессионально не беспокоился спасать этот бесценный пласт культуры абхазов, в котором отражалась вся их история. Властьдержащие в лице царских чиновников, а позже, грузинских меньшевиков ревностно относились к духовному богатству народа. Они хорошо знали силу искусства, понимая, что пропаганда культурного наследия абхазов могла вызвать чувство национальной гордости, как писал в свое время Константин Ковач: «Свое национальное достоинство, свое право на свободное развитие». Сам он почувствовал не только ценность музыкального наследия, но и узнал для себя душевную доброту и духовную мощь народа. Понял, что люди, создавшие героические, такие трагически-мужественные светлые песни, никогда не умрут и не окажутся в золе исторических пепелищ...

Так, плодом его многолетних нелегких походов по Абхазии явились записи таких песен, как: «Песня ранения» впервые записанная с напева Кондрата Дзидзария, а следующие ее варианты были потом зафиксированы с напева крестьянина — народного певца из села Гвада Мыча Ашуба. А дальше, на потном стане «засверкали» такие уникальные песни, как: «Песня изгнанников» (Амхаджирская), с напева Сейдыка Куарчия. «Ауау», с напева Зафаса, Гыда, Биджа, Бегуа Лейбовцев и Михаила Еника. А песни «О скале», «Озбакъ» напел К. Ковачу сам К. Дзидзария, песня же об Омаре Самахуа была записана с напева Платона Барцыц. Благодаря Константину Ковачу впервые были классифицированы такие древние песни абхазов, как: «Пшкiach-ипа Манча», «О тохе», «О бурке», «О Гудисе», «Пляска Святого Витта», «Раледа», «О Шигуе», «Свалебная песня», «Аибаркыра», «Шаратын», «Абхазская плясовая», «Танец пастухов», «Танец медведей», «Песня страдания», «О Герое Киагуа», «Аррашья» (Боевая походная), «Песня о боге охоты», «Аэрг», «Тюремная песня», несколько вариантов «Песни

нартов». В этом сборнике можно найти несколько песен, посвященных пастушеской жизни абхазов, трудовые и религиозные песни, песни, посвященные войне, несколько вариантов колыбельных песен, множество танцевальных мелодий, а также песни, обращенные языческим богам.

Стараниями Константина Ковача записаны и включены в сборник следующие мелодии под названием: «Песня печали», шуточная. «Песня о том, как пабальцы речами мясо варили» и, конечно, протяжно-мощная, столетиями передаваемая из поколения в поколение, красивая «Застольная песня», в которой отражены добросердечие абхазов с их умением достойно принимать гостей.

Константин Ковач, записав столько песен, увековечил как абхазскую песенную культуру, так и тех исполнителей, которые своими напевами приобщали его к тайникам души человека, где обитали эти песни, рожденные суровой жизнью абхазов. К вышеназванным именам этих великих исполнителей абхазской народной музыки, запомнивших и сохранивших песни предков, прибавляются и такие, как Кансоу Конджария, Николай Кокоскерия, Дамей Дзкуа, Антон, Уахапаз, Гындыжв, Датикуа Айба, Симон и Кама Ампар, Камшип и Ладикуа Джикырба, Махмед Чагава, Сауакей Арстаа, Хаджарат Ашуба, Кемсыс Ахуба, Леуа Кацвба, Сагут Барцыц, Темраз Лазба, Абыдж и Еснат Мукба, Шат Бжания, Куач Лейба, Еснат Дбар, Швлеман Багателиа, Шач Чукбар, Михаил Чалмаз, Нестор Ашуба, Шьмат Бения, Рашит Камлиа, Дата Агрба и многие другие певцы и танцоры, поведавшие нам о звучащей истории абхазов.

Когда сборник «101 абхазская народная песня» был подготовлен к изданию, Константин Ковач в своем предисловии к нему написал так: «Вышло так, что мне первому пришлось стать лицом к лицу с абхазскими песнями и их творцом — интереснейшим абхазским народом; мне посчастливилось понять абхазскую песню и ее автора и быть посредником между ними и той частью современного музыкального мира, которая интересуется народным творчеством. И мне хочется поделиться с ними своим неподдельным восхищением редчайшей одаренностью абхазцев, творивших свою совершенно особенную мелодию в

таких условиях, в каких ни один ученый композитор не стал бы ничего делать.

Правда, абхазцы живут в такой легендарно красивой местности, где творить что-то хочется даже и тому, кто никогда не был творцом. Но полный препятствий путь абхазца к культуре, материальное положение и палка «завоевателей» — всего этого было так много, что если бы нам пришлось быть на месте абхазцев, вряд ли бы нам захотелось петь.

Но они пели и всегда поют.

Люди, творящие красивую музыку только лишь чувством, вызванным тем или другим выдающимся жизненным случаем, создавшие вместе с мелодией целую историю страны души (так называется Абхазия, по абхазски — Апсны), умеющие петь о добродетели под ударами тяжелой дубины, люди, певшие свои стихийно рождавшиеся в уме и сердце песни, умирая, люди, поющие свои горестные и радостные песни у постели больного, эти люди — герои, достойные глубочайшего уважения, они вполне стоят того, чтобы о них никогда не забыва-
вать.

Абхазские песни не требуют пространных предисловий и пояснений, ибо они сами говорят за себя своим музыкальным и главное — историческим и бытовым содержанием. Здесь можно ограничиться лишь следующим замечанием.

Каждая песня имеет за собой или историческое событие, или бытовой какой-либо случай, связанный с жизнью абхазца. Абхазские песни — это не «песни настроения». Это подробное повествование о героях, о плохих людях, о временах, имеющих положительное или отрицательное значение в жизни абхаза. Это, если можно так выразиться, один из обязательных пунктов жизненного регламента абхазца.

В настоящем сборнике абхазские песни представлены так, как они до сего времени поются в народе, в той тональности, в какой они пелись при их записи. В гармоническом отношении к песням ничего не прибавлено и ничего у них не отнято. Записывались мною песни в горах и сельской местности Абхазии с напевов стариков-знатоков своей песни, с апхерца и ачарпына».

Вышеназванный сборник был одобрен крупными специалистами-музыковедами и рекомендован к изданию, которое и было выпущено в свет тиражом в 2000 экземпляров в 1929 году. Книга вышла под грифом «Народный комиссариат просвещения Абхазии и Академия абхазского языка и литературы». В предисловии издательства говорится следующее: «Предлагаемые в настоящем сборнике материалы являются первой в истории Абхазии записью абхазских народных песен. Работа эта была поручена композитору-этнографу Константину Владимировичу Ковач и организатору работы по собиранию песен — Кондрату Федоровичу Дзидзария в результате устроенного Наркомпросом Абхазии и Академией абхазского языка и литературы конкурса на более точную запись народных мелодий абхазов».

В 1927 году 52 абхазские песни, собранные К. Ковач, были представлены на юбилейной выставке искусств национальностей СССР в Москве. Комиссия по присуждению наград участникам этой выставки оценила данную работу так:

К. Ковач награжден почетным дипломом, как первый собиратель абхазских народных песен; К. Дзидзария награжден похвальным отзывом за умелую организацию сбора абхазских народных песен; Наркомпрос Абхазии награжден похвальным отзывом так же за организацию сбора абхазских народных песен.

Все помещенные в этом сборнике абхазские песни многократно и тщательно проверены особой комиссией с участием представителей Академии абхазского языка и литературы, а также крестьян-знатоков абхазской песни.

Впервые выпуская эти материалы в печати, Наркомпрос и Академия абхазского языка и литературы спокойны за точность записей всех песен предлагаемого сборника.

Наркомпрос Абхазии А. Чочуа.
Председатель Академии абхазского языка и литературы Д. Гулиа.»

И когда думаешь о таком человеке, как Константин Ковач, который до фанатизма был предан музыке, вспоминаются слова великого грека античного мира,

жившего 2500 лет тому назад, драматурга Еврипида, сказавшего: «Истиной жизни нет без искусства». И действительно, Константин Ковач не мыслил себе жизни вне искусства и, в частности, без абхазской песни. Он жил, дышал, ходил, окрыленный, околдованный ею. Его влекли абхазские мелодии, в коих он находил источник творческой радости, черпал чистоту человеческих помыслов, красоту духа народного. Он тонко ощущал значение слов Шекспира о том, что «дух зла не может быть сокрыт в прекрасном». Именно, в прекрасном и возвышенном искал Константин Ковач смысл своего бытия, но одновременно он и отчетливо понимал существование в этом мире иной категории людей — малообразованных, завистливых, злых и подлых. Не забывал он и такое высказывание мудреца: «У искусства есть враг: имя ему — невежество». Подобного отношения к себе не миновал и он, но об этом еще не сейчас... Пока же, вернемся вместе с К. Ковачом к абхазской народной песне, к его собирательской деятельности. Итак, многолетняя работа над обобщением абхазских песен увенчалась успехом. В 1929 году ЦИК СССР награждает Константина Ковача как популяризатора абхазских песен. Он становится близким и желанным другом не только Д. Гулиа, но и Н. Лакоба, С. Чанба, С. Басариа, С. Ашхацава, А. Хашба, В. Маан, В. Кукба и многих других государственных деятелей, ученых и писателей Абхазии. Без Константина Ковача не обходилась ни одна встреча в правительстве Абхазии, он и был заслуженно любим всеми, начиная от абхазских крестьян, у которых дневал и ночевал и до всей интеллигенции. Труд его ценился, его уважали, считали искренним надежным товарищем. Константин Ковач своей любовью к искусству, своим творчеством волновал и радовал сердца людей. Приобщая к истокам искусства их предков, он тем самым раскрывал людям веки их истории. И народ проникался высоким значением истории родного искусства, как в целом своего многовекового радостного и вместе с тем горестно-тяжкого прошлого.

К каждой песне, как было уже сказано выше, Константин Ковач «приложил» историческую справку, явившуюся не менее ценной в каждом отдельном случае, чем сами песенные мелодии. Сам он, приехавший в

Абхазию совсем молодым человеком, созерцая жизнь и быт абхазов, библейскую красоту абхазской природы, вырос и сам многократно духовно. Именно продолжительное наблюдение быта абхазов, прослушивание и откровенное любование их песнями, танцами, узнавание истории народа привело его к убеждению того, откуда «струятся» истоки чувства красоты. Именно, красота духа народного, подмеченная у абхазских крестьян, их стремление к ней, ощущение ее силы и приближает стремительно в итоге к жизненной истине. А ведь не напрасно сказал мудрец о том, что «искусство — и есть сама жизнь, и оно бессмертно».

В значительной степени волновала Константина Ковача судьба древней абхазской песни и влияние ее на современную молодежь, а также проблема ее будущности, будет ли она (молодежь) помнить прошлое своего народа. И как вспоминают его друзья, он часто повторял мысль о том, что «прекрасное не пропадет зря и песни абхазские, прорвавшиеся сквозь страшные вековые дороги военных невежеств и дошедшие до будущих жителей планеты, останутся жить на все времена».

Как было упомянуто выше, Константин Ковач часто встречался с главой Абхазии — Нестором Лакоба, поддерживающего его во всех начинаниях. Через Н. Лакоба он имел возможность знакомиться с известными людьми страны — писателями, политическими и общественными деятелями, наезжавшими в Абхазию. Об этом и рассказывает нам Константин Ковач в своем очерке под названием «А. М. Горький об абхазском народном творчестве», напечатанном в газете «Советская Абхазия» от 26 декабря 1936 года. Встреча с русским пролетарским писателем состоялась в 1929 году, а вышеназванная статья появилась в печати с опозданием на целых семь лет... Причина такой задержки нам не ясна, но главное — это ее содержание. Итак, Константин Ковач пишет в ней: «Летом 1929 года Алексей Максимович Горький посетил Абхазию — небольшую расцветающую советскую республику, бывшую обездоленную колонию русского царизма.

Еще в дни своей молодости Алексей Максимович знал эту плодородную землю, знал обитающий на ней, но лишенный человеческих прав, трудовой абхазский

народ. Он обошел тогда пешком весь этот край, изредка останавливаясь на ночлег у гостеприимных абхазских крестьян. Здесь на берегу реки Кодор Алексей Пешков стал свидетелем рождения человека русской женщиной, также ходившей по этой земле пешком в поисках работы и хлеба.

А в 1929 году пролетарский писатель Максим Горький настойчиво и подробно расспрашивал председателя ЦИКа Абхазии тов. Нестора Лакоба о выходе трудового абхазского народа на светлый, широкий путь социализма.

Как-то, придя на зов Алексея Максимовича к нему, увидел его беседующим с Нестором Лакоба.

У меня мелькнула мысль: «До песен ли сейчас?..»

Но прислушавшись к разговору, понял, что речь идет о... песнях, об абхазском народном творчестве. Ободренный, я смело вошел в комнату и увидел в руках Алексея Максимовича первый изданный сборник абхазских песен. (Речь идет о книге «101 абхазская народная песня» К. Ковача. — А. А.).

Алексей Максимович был прост и сердечен. Он с глубочайшим интересом отнесся ко всем вопросам собирания и записи абхазского народного творчества. С отеческой теплотой он задавал мне вопросы, на которые отвечать я несколько смущался, не надеясь быть понятым Алексеем Максимовичем как музыкант. Но он понимал меня намного лучше, чем значительное число специалистов-музыкантов, встречавшихся мне и до него и после, когда разговор заходил о развитии абхазской музыкальной культуры.

— Сами-то вы, хоть немного, поете эти песни? — спросил меня Алексей Максимович.

— Мне приходится усваивать песни основательно, прямо с голоса исполнителя, иначе было бы трудно что-либо записать правильно. Фонографа у меня нет.

— Отсутствие его не такая уж большая проблема, если сами вы поете абхазские песни. Сам исполняя, вы лучше усваиваете характер песни и дух народа, вложенный в содержание этих напевов. Слава Богу, вы молоды, и у вас много энергии. А дело это крайне нужное и почетное, да и любите вы его, вижу... А фонограф... можно и его достать при случае.

Позже, собравшиеся вокруг писателя товарищи пе-

ли абхазские песни. С ними пел и Нестор Лакоба, а местами подпевал и сам Алексей Максимович.

Я видел, как известный мастер слова увлекался абхазской песней, как временами она вызывала в нем возбуждение и тогда увлажнялись глаза человека, имевшего большое горячее сердце. В перерывах между песнями он говорил:

— Хорошие песни, чудесные песни! Такие мелодии мог создать только коллектив, только трудовой народ. Как же надо любить и чтить своих героев, чтобы так трогательно, мужественно и страстно петь о них!

И тут же вопрос ко мне:

— Эта песня у вас записана?

— Записана.

— Хорошо.

— И снова:

— А эта песня записана?

— Нет, еще не записана.

— Непременно надо записать. Если вы оставите ее без внимания, пройдут года, песня может затеряться и не сделается достоянием народа. Понимаете такую вашу ответственность?

— Очень даже понимаю, Алексей Максимович.

— Тогда обязательно запишите ее. Записывайте вообще все песни, которые вам встречаются, разыскивайте их и пишите, если даже будут такие, которые и покажутся вам мало интересными. Вы записываете песни у народа для народа же. Растут новые люди. Они будут, конечно, создавать новые песни, но они должны будут знать и прошлое. В каждой песне есть кусочек того прошлого, которое необходимо знать и помнить новым поколениям.

Алексей Максимович говорил о народном творчестве вдохновенно и настойчиво. Он спрашивал меня:

— Скажите, когда вы собираете песни, вам, наверное, сообщают и сказки, легенды?

— И очень часто.

— И как же вы, будучи собирателем песен, поступаете в таких случаях?

— Я записываю и сказки, легенды, чтобы... не обидеть рассказчика и присутствующих людей...

— И правильно делаете! Главное в том, чтобы все-таки записать, зафиксировать и донести до широких

масс; важно, чтобы эти записи пополнили познания писателя, поэта, музыканта, художника, вдохновили их и дали лучший материал для творчества.

— А мне не скажут, что занимаюсь я не своим делом?

— Для истинного художника каждая крупинка народного творчества, народной мудрости дорога и близка. Пусть сказки и легенды собирают еще сотни людей, пусть в собранных материалах окажутся материалы тождественные. Но ведь в большинстве случаев то будут различные варианты. И чем больше этих вариантов будет собрано, тем лучше для всех. В Абхазии воспитывается немало своих национальных поэтов, писателей, композиторов. Они тоже будут собирать фольклор, но они используют и все ваши и другие записи.

На следующий день мы провожали Алексея Максимовича до Сенаки, оттуда он выезжал поездом в Тбилиси. В пути он говорил мне:

— Будут серьезные трудности. Вы не бойтесь их, преодолевайте решительно, смело. Собирайте народное творчество — это благороднейший труд. У него большое будущее, особенно в таких республиках, как Абхазия. Вы знаете о ее тяжелом прошлом? Придет время, и вы услышите, как огромные народные хоры и оркестры будут празднично исполнять абхазские песни и музыку прямо на площадях. Это будет довольно скоро.

В Очамчире мы остановились для небольшого отдыха. Снова собравшиеся товарищи пели абхазские песни, к которым Алексей Максимович чутко прислушивался. На этот раз он был еще более взволнован.

Когда пели «Песню о Гудисе», писатель встал и нервно заходил по комнате. Глаза его горели вдохновением.

Он не понимал слов абхазской песни, но он знал ее содержание, и его волновали мотив, гармония песни.

Я спросил тихо Алексея Максимовича:

— Вас волнует эта песня? Она нравится вам?

Он посмотрел на меня и, совсем неожиданно для меня, бурно сжал меня в объятиях, крепко поцеловав.

Я растерялся и ничего не мог сказать этому незабываемому человеку.

Но я всем сердцем почувствовал тогда, когдаэтот великий человек любит народное творчество».

А вот в книге под названием «Этюды и исследования» известного абхазского ученого — литературоведа, критика, фольклориста, доктора филологических наук — Хухута Соломоновича Бгажба на странице 11 говорится следующее: «Ранним сентябрьским утром М. Горький со своими спутниками выехал из Сухума в Очамчире. Его сопровождали Нестор Лакоба и К. Ковач. Очамчирцы тепло и гостеприимно встретили М. Горького. Его пригласил на обед в дом Илларион Кантария, где присутствовали и руководящие районные работники. Председатель Очамчирского райисполкома Д. Габуниа пригласил к столу группу певцов районного хора, которым руководил Платон Панцулаиа.

Нестор Лакоба любил абхазские пословицы и поговорки. «Лишнее слово надоедает человеку, лишнее вино отнимает ноги», — говорил он, обращаясь к Горькому. — Но не может быть лишним слово, если оно от сердца. Не может быть лишним вино, если его пьют в честь друга. В прошлом году в Москве, дорогой Алексей Максимович, праздновали Ваше шестидесятилетие. Вы знаете, что у нас, абхазов, — это треть жизни. Мы недавно отпраздновали свадьбу одного нашего земляка, которому стукнуло сто. Все мы будем рады отпраздновать в Абхазии Ваше столетие...»

Писатель внимательно слушал «Шардаамта» (абхазскую застольную), «Песню о Гудисе» и другие героические, трудовые и обрядовые песни. Пели и русские песни, в частности, — «Где бы я ни скитался», «Дитя, не тянися за розой» и др.

Темпераментные и захватывающие абхазские песни взволновали М. Горького. «Они так чудесны, как и ваша страна», — сказал он.

Сохранился фотоснимок, на котором во дворе хозяина гостеприимного дома запечатлены его гости — М. Горький и рядом с ним встречавшие его очамчирцы — секретарь райкома партии Тарас Абгадж, председатель райисполкома Дмитрий Габуниа, первая абхазка — выдвигенка на партийную работу, зав. женотделом райкома Капа Лягвилава и др.

Прощавшись с Нестором Лакоба и своим очам-

чирскими почитателями, М. Горький отправился дальше».

Мнение Горького еще больше вдохновило Константина Ковача и его дальнейшая работа проходила уже в абжуйской Абхазии. Частенько его можно было увидеть на горячем скакуне в отдаленных высокогорных селах. Подолгу он беседовал там с певцами и танцорами, впитывал своею душой чарующие абхазские мелодии, сам органично входил в жизнь добрых крестьян. Он просматривал «душу» абхазских песен как бы сквозь призму своего неумного темперамента, постигая их этическое и эстетические величие. Такое его восприятие жизни оправдывает, к примеру, справедливость слов учителя великого полководца древности Александра Македонского — античного философа Аристотеля, сказавшего о музыке так: «Подобно тому как гимнастика способствует до известной степени развитию физических качеств, так музыка способна воздействовать на этическую природу».

И Константин Ковач подобно всем добрым, умным людям, лишенным зависти и подхалимства, так же следовал в жизни таким качествам, как: честность, чуткость и любовь к окружающим. Искренность была его основным кредо всей жизни, таким он был всегда в беседах с абхазскими крестьянами, которые и платили ему тем же.

Когда пишу эти строки, всегда смотрю на любительскую фотографию, где изображен Константин Ковач на горячем абхазском скакуне. Уздечка натянута до предела, а конь, развернув свою широкую, длинногибкую шею, сопротивляется всаднику. За спиной Константина Ковача высвечиваются белоснежные пики гор, всадник снят у самого обрыва скалы и на лице его доброжелательная улыбка. Весь он неотделим от этой природной красоты — ветер развеивает гриву коня, а сам Константин Ковач блаженно вслушивается в окружающую природу. Остановившемуся мгновению веришь — слушаешь вместе с всадником прекрасные песни природы. И может быть, «Песню о скале», которую Константин Ковач записал с напева Симона Ампар в сопровождении абхазского национального инструмента — ачарпына? Или в тот момент слышит он

другую абхазскую песню, тоже связанную с горами и называется она «Песня бури», исполненную для него Антоном Айба?

А может, этот музыкант-всадник, шепчется с горами на языке «Абна бызшва», (язык леса и бога охоты), к которому всегда прибегали абхазы во время охоты? Или Константин Ковач общается с Абхазией на родном — венгерском языке? В любом случае, он наверняка говорит на языке музыки, ибо там, в горах, где грива коня пляшет на ветру, могут лишь звучать такие песни. Пусть же звучат песни — «О скале», «О буре», или в честь Бога охоты, лишь бы не о войне...

Но оставим это красноречивое фото из моего архива и продолжим рассказ о втором сборнике Константина Ковача, изданном уже в 1930 году под названием «Песни Кодорских абхазов». В этой книге автор особое внимание обращает историческим песням абхазов, песням о революции, героическим песням о народных мстителях — абреках, а также абхазским плясовым мелодиям, песням обрядовым, бытовым и т. д. Тут же говорится о песнях батумских абхазов и, конечно, бзыбских абхазов, не вошедших в первую книгу «101 абхазская народная песня».

Второй сборник этнографических материалов с нотными записями подобрал в себя все ценное, что успел собрать за короткий срок Константин Ковач. Эта книга (как и первое издание) — уникальная для нас — абхазов так же, как и для всех тех, кто интересуется мировой музыкальной культурой. Не зря ведь сказал Теодор Драйзер — классик американской литературы, кстати, современник и Константина Ковача, такие слова: «Искусство — мед, хранимый человеческими душами и собираемый на крыльях лишений и труда». Именно, Константин Ковач «на крыльях лишений и труда» приобрел себе славу на ниве собирания и публикаций абхазских песен.

В предисловии ко второй своей книге, Константин Ковач написал следующее: «Маленькая страна, населенная свободолюбивым народом — абхазами, на протяжении трех с половиной тысяч лет была предметом вожделения всяких «покорителей», «завоевателей» и «приобщителей», начиная от известного Язона, при-

плывшего сюда на своем «знаменитом» судне «Арго», ограбившего Абхазию и затем удравшего восвояси и кончая генералами царской России, пришедшими в Абхазию с казацкой плетью и саблей в руках, с пресловутой политикой «приобщения к русской гражданственности», с виселицей и... насильственным крещением.

Около ста двадцати лет абхазы неустанно боролись с царизмом, с его ставленниками. Они восставали, но их изгоняли в Турцию, превращая в пепел их жилища; оставшиеся на родине абхазы снова восставали, но селения их снова сжигали, а самих абхазов снова выселяли под видом «добровольных эмиграций»...

И только Октябрьская революция 1917 года и окончательное затем изгнание меньшевистских «благотелей» в 1921 году принесли, наконец, абхазам то, чего они так героически, давно уже добивались — полную национальную независимость, право на культурное возрождение, право не быть теми «дикарями», которых так настойчиво хотели, путем насилия, «приобщить к культуре», авантюристы всех наций.

Полноценное приобщение к развитию национальной культуры всех народов, населяющих Советский Союз, требует максимальной затраты трудов. Абхазцы это знают хорошо и потому старательно изучают прошлое и настоящее положение своей республики.

Этот сборник народных песен кодорских абхазов является лишь небольшим вкладом в ту огромную творческую, созидательную работу, которую выполняет сейчас вся Абхазия в целом, упорно, не сбиваясь с намеченной цели, шагающая к своему будущему.

Итак, в своей второй книге, Константин Ковач, прежде всего, особое внимание уделяет абхазским героическим песням, в которых отразилась борьба за независимость народа, за его человеческое достоинство. Тут и песня, посвященная Мыстафе Чолокуа — борцу за справедливость, записанная в исполнении Джаруа Пачулиа из села Пакуашь, и «Военная походная» в исполнении Быджа Харчлаа, Тараша Аршба, Бахуа Мниа, Кукуна Харчлаа, Джыуа Харчлаа, Точиа Харчлаа и Мисора Харчлаа — все они из села Ткуарчал.

В сборник «Песни кодорских абхазов» вошли та-

кие известные героические песни, одинаково бытовавшие как в Бзыбской, Кодорской, так и Самырзаканской Абхазии. В этом издании мы видим такие песни — гимны мужеству, как: «О Беслане Абатаа», «О Пшкиач-ипа Манче», «О Инапха Киагуа» и другие.

К примеру, в «Песне героев», записанной на нотный стан в сопровождении абхазского народного инструмента-апхиарцы, на которой играл Екуп Харчлаа, из села Ткуарчал, говорится так:

«Голова его несчастная на столе,
Туловище продолжает сражаться,
Лучшая шашка его подобна хворостине согнута,
Пистолет его круглый от жары разорван,
Конь его несчастный буланый окровавлен, —
Чзымаа Едыгь.

Дорогу, по которой увели его жену, он не нашел:
По тропинке напрямик придя,
Десять дворов забравший, —
Хаткуа Селым.

Когда войска собирались кого вождем избрали,
В Хагуашь когда сражались, по десяти кто выводил, —

Адагов сын — Хаджи Кярантук.
Единая пуля кому в голову попала,
Женщин и детей, не взирая, на лошади кто вывозил, —

Адагов сын — Хаджи младший.
Грудью лошади воинов согнав,
По десяти кто выводил, —

Едыгов сын — Соулах.
Ружейный огонь нас отдаляет —
«Шашками двинемся», — кто говорил, —

Кятов сын — Сахаткери.
Кроме как на арлухан кто не садился,
Шашки, афрангя, кроме кто не носил,

Детей и стариков отстававших
Кто вокруг кружился, —
Кяца Бакмирза.

Когда впервые явились,
Кто шелковое знамя взял,
Потом явившись

Кто бархатное знамя вынес, —

Гяч Рашид.

Звук его ружья — звук пушки,

Голос его — голос барабана,

Дегям бедным нашим кто колени подгибал, —

Асадзба Смел.

Войска когда собирались

Вождем его избрали,

Войска те когда сошлись

*) От кадушки кого оторвать не могли, —

Купалов сын — Ханашв.

Черный человек большой

За камнем притаился...

Каждым выстрелом — врага одного

В неприятность вводил, —

Абагов сын — Пара.

Ружье разноцветное большое.

На чьих плечах лежало,

Буре подобно войска кто содрагал, —

Башныху Хит.

В один кто родился,

В один и умерет.

Сегодня же погибший не даром умерет»,

сказал Куаблухов сын — Зафкара.

Семерых имея, явившись

Десятерых кто взял, —

Багов сын — Сыкун».

Эти слова из «Песни героев», как видно, не нуждаются в комментариях, ибо действия каждого из героев охарактеризованы меткими и образными словами, дающими четкое представление о их бесстрашии, храбрости.

В песнях кодорских абхазов Константин Ковач выделил тщательно записанные трудовые песни, а также и песни, воспевающие радость свободы.

Так, в исполнении Шахана Куцниа, Романа Парулуа и Чучула Тарба, он записал чудесную народную песню под названием «Радостная песня». А вот песню

*) В песне говорится о кадушке, в какой абхазы держат в горах кислое молоко.

«Килилеса» Константин Ковач записал с напевов Чигица Арлана, Дермида Даланиа, Макиа Агрба, Киагуа Саканиа и Сейдыка Цинариа. В ней, к примеру, народ радостно воспевал завершение полевых работ. Как описывает ее К. Ковач, она начинается с речетатива самого старшего из исполнителей. Именно, старейшина задает песне тон, а дальше продолжают торжественно петь все остальные. Песня эта впервые была записана в селе Кутол.

Как и в предыдущей своей книге, так и в этой, Константин Ковач уделил должное внимание абхазским танцевальным мелодиям, общинным песням и песням, связанным с обычаями и обрядами народа. Не оставил он в стороне и песенно-танцевальное искусство абхазов, проживающих в Аджарии, по воле судьбы изгнанными царизмом с родной земли.

В селе Анкиса неподалеку от Батума, Константин Ковач записал несколько мелодий и включил в свой сборник. Среди них: «Песня о Курбете» и танцевальная мелодия под названием «Танец, не носившего траур» в исполнении Абабика Расима, Чазмаа Хасана, Хибба Руфета, Куталиа Хусена, Ацанба Мурата, Агрба Хемида и Селымба Мыджита. По поводу этого танца, Константин Ковач так пишет в своей книге: «В этой песне с припевом слышны такие слова: «Того, кто не видел траура — заставили танцевать. Ой-ра, ой-ра, ой-та, рираша». Судя по названию, надо считать, что это — песеля абхазская пляска, и в этом я имел возможность убедиться, увидев, как танцевали ее батумские абхазы.

В обоих своих сборниках Константин Ковач честно и кропотливо, с огромной любовью соприкасался с абхазским духовным наследием. Он извлек из недр народной памяти те крупницы духовной музыкальной культуры абхазов, которые вообще могли бы исчезнуть навсегда из поля зрения будущих поколений...

Константин Ковач душевно воспринял жизнь абхазов, изучал не только песни, танцы, но и этикет народа — нравы и обычаи, его этическое восприятие мира. И потому со знанием дела он так живописал об абхазах в своей книге: «Одним из основных пунктов перечня «собственных нужд» является гостеприимство.

Глядя на то, как абхазец из последних сил старается «ублажить» гостя, можно подумать, что абхазы и живут только тогда, когда у них бывают гости. При его появлении он бросает всякую работу, с большим достоинством встречает гостя, быстро оживляется и ведет себя так, как будто не он хозяин всему, что есть в доме, а гость. Если даже кто-нибудь случайно зайдет к нему домой, он никогда не стпустит пришедшего без угощения, а отсюда — и без вина, без тостов. Предложить же абхазцу плату за угощение, это значит кровно оскорбить его.

У себя в селении абхазец очень весел и подвижен, любит петь песни при всяком случае и без случая, любит стрелять в цель, джигитовать, принимает самое горячее участие в скачках. В работе и при ходьбе по горам крайне вынослив.

В городе абхазцы теряют свою природную живость, становятся молчаливыми, перестают петь и вид у них какой-то тоскливый.

Почему-то принято считать, что каждый горец чрезмерно горяч и запальчив. Такое понятие надо считать ошибочным, в данном случае — в отношении абхазов. Эти люди умеют себя очень хорошо сдерживать и этим вызывают к себе уважение. Правда, они горды и мстительны, если их оскорбить. Но абхазы чрезвычайно чутки к чужому горю; абхазца весьма легко расстроить рассказом о происшедшем с кем-нибудь несчастии, горестной песней и т. п.

Говорит абхазец на родном языке очень красиво и образно. Народная мудрость и фантазия стоят здесь очень высоко. Когда абхазский крестьянин говорит на сходе, он тщательно следит за убедительностью своей речи, никогда не говорит о пустых вещах и строит свою речь, всегда так, чтобы его слушали с интересом.

В обращении с окружающими абхазец чрезвычайно вежлив: старик встает навстречу даже и тогда, если к нему подходит юноша или даже подросток.

Вообще, восприятие Константином Ковачем духовного мира абхазов посредством их песен, можно говорить снова и снова, но, увы, издательские ограничения весьма сковывают сей душевный порыв. И поэтому, прежде, чем перейти к другой грани деятельнос-

ти Константина Ковача, обобщим, что за короткий срок в Москве и Сухуми вышли подряд несколько его книг, среди которых: «101 абхазская народная песня», «Песни Кодорских абхазов», «Народные песни абхазов», а также он подготовил к изданию сборник «Отражение классовой борьбы в абхазских песнях» и другие его работы.

Дальнейшая деятельность Константина Ковача не ограничилась лишь сбором абхазской народной песенной культуры. Он первым в Абхазии организовал музыкальную школу, а в 1930 году при его непосредственном участии открывается музыкальный техникум (ныне Сухумское музыкальное училище), в котором он становится первым директором. Казалось бы, после насыщенной многолетней трудовой деятельности, наступило время хотя бы кратковременного отдыха (пора подумать и о здоровье)... Но, нет, у него рождаются новые идеи, планы, с ними возникают и новые проблемы. Мысли же об абхазской симфонической музыке не покидают его, и он обращается к музыкальному фольклору, теперь уже как композитор. Он создает первую абхазскую симфоническую поэму под названием «Твой путь». Далее следуют интересные произведения на абхазские темы, также для симфонического оркестра. Среди изданных в Москве отдельными партитурами можно назвать такие произведения Константина Ковача для оркестра, как «На Бомбей—Яште», «Озеро Рица», «Ткуарчал», «Шаратын», «Дальские изгнанники», «Омар Самахуа», «Походная», «Гудиса», «Песни абхазов», «Твой путь» и др.

Итак, созданы первые оркестровые произведения и теперь они должны дойти до слуха и сердца тех, кто ему напевал эти песни, легшие в основу уже профессиональной музыки — эти мысли настолько беспокоили его, что он обращается с предложением в ЦИК Абхазии о создании в республике симфонического оркестра. Правительство пошло навстречу его просьбе и вскоре был создан Государственный симфонический оркестр Абхазии и первым его дирижером стал Константин Ковач. Он всецело отдается развитию абхазской профессиональной музыки и одновременно готовит кадры музыкантов в руководимом им техникуме. Вся-

чески содействует делу создания оркестра абхазских народных инструментов под названием «Апхиарца», что и осуществляется в 1931 году. В 1933 году Константин Ковач организовывает первый Государственный квартет. В декабре того же года за большие заслуги в области развития и пропаганды абхазской музыкальной культуры Константину Ковачу (кстати, как первому человеку, который удостоился этого звания среди работников музыкальной культуры) присваивается звание «Заслуженного деятеля искусств Абхазии».

Окрыленный признанием его заслуг, Константин Ковач — композитор и музыковед, с еще большей энергией берется за дело. На белом нотном стане все больше появляется музыкальных знаков, рожденных в особенности ночью. Наполненные чарующими звуками, южные ночи и плеск морских волн мысленно возвращали композитора к поэтичным абхазским мелодиям. В этот период он создает произведения на абхазские темы не только для симфонического оркестра, но и для оркестра народных инструментов. Почти весь репертуар оркестра «Апхиарца» состоял из его сочинений, среди которых можно назвать такие, как «Пшкьяч», «Усыпальная», «Об охотнике», «Шиш нани» и другие произведения Константина Ковача. Сочинял он и для духового оркестра. Его марши «Киараз» и «Ответ невесты» исполнялись часто и за пределами Абхазии. Используя богатейший запас народного музыкального фольклора, композитор создавал произведения для квартета и квинтета, а также для хора, солиста и оркестра.

Здесь нет возможности перечислить все его произведения: их свыше пятидесяти. Но нельзя не вспомнить и о том, что он первым написал абхазскую оперетту в четырех действиях под названием «Ашха Маджа и Ага Маджа», что он консультировал всех тех, кто брался за абхазский музыкальный фольклор, как большой специалист и знаток своего дела. Об этом и говорится в архивном документе, написанном начальником отдела по делам искусств при ЦИК Абхазии В. Кукба. Вот выдержка из этой характеристики: «...с сентября 1936 года К. В. Ковач состоял композитором-консультантом по абхазскому музыкальному фольклору

при профессоре-композиторе Д. Н. Шведове, в связи с выполняемой работой по созданию первой абхазской оперы «Махаджир».

Произведения Константина Ковача и собранный им абхазский музыкальный фольклор были использованы при написании своих оригинальных сочинений композиторами С. Кац, Л. Штрейхом, А. Касторским, К. Квитко, С. Власовым и Г. Фере, О. Димитриади, Н. Хмельновым, Я. Освецинским, Е. Кублицкой, В. Зиздо, В. Поляковым, П. Хворостухиным, О. Тактакишвили, А. Баланчивадзе, О. Тевдорадзе и многими другими музыковедами, композиторами и дирижерами, которые создали интересные творения. Кстати, надо упомянуть и о том, что 78 произведений вышеупомянутых авторов основаны на абхазском музыкальном материале.

Так, жил композитор и музыковед Константин Ковач под радужным ласковым солнцем, весь наполненный абхазскими мелодиями, благодаря судьбе за общение с этой уникальной неповторимой страной Души. Радовался жизнью, создавал музыкальные произведения, воспитывал исполнительские кадры — для симфонического оркестра, оркестра народных инструментов, вокалистов, пианистов, хороших дирижеров. Словом, жизнь у него шла сознательно-насыщенная, пронизанная абхазской многовековой чарующей музыкой, но, увы... грянул страшный 1937 год...

В конце 1936 года Лаврентий Берия отправил в своем доме сподвижника абхазской культуры, главу Абхазского государства Нестора Лакобу. Сразу же начались гонения абхазской интеллигенции и, конечно, черед настал самого Константина Владимировича Ковача...

Вот, что рассказал мне известный абхазский композитор-мелодист, продолжатель дела Константина Ковача, основатель ансамбля абхазских долгожителей «Нартаа», заслуженный деятель искусств Абхазии (ныне покойный) Иван Еснатович Кортва: «Тогда я был совсем молодым, но помню, что творилось в Абхазии. Арестовали известного абхазского писателя Самсона Чанба, потом ученика самого Константина Ковача — актера, музыканта, драматурга и блистательного танцора Муты Кове, абхазского актера и режиссера Ка-

дыра Карал-оглы, шли повальные аресты и других известных лиц из абхазской интеллигенции. Даже абхазские крестьяне — певцы и сказители попали в опалу. Тогда-то поклонники Константина Ковача сумели чудом спасти и вывести его из Сухума. И столько сделавший для абхазской музыкальной культуры, он оказался вынужденным беженцем. Неоспоримо то, что все мы — деятели абхазского искусства в неоплатном долгу перед памятью Константина Ковача».

Так, Константин Ковач, спасаясь от ареста в 1937 году, был вынужден тайно оставить любимую Абхазию, ее народ, с которым он связал свою судьбу. Константин Владимирович Ковач уехал со своей женой Феодосией Никитичной и тринадцатилетним сыном Игорем в Ялту. А спустя два года, в 1939 году, в возрасте 40 лет, ушел из жизни этот человек удивительной энергии и таланта.

Да, бурная творческая жизнь оборвалась вдали от Абхазии, как и оборвалась мелодия его новой, только что начатой симфонии...

Во время обысков были изъяты многие его произведения, новые записи старинных абхазских песен, собранные в Гаграх, в Гудауте, Дале и Цабале, а также песни, записанные в высокогорных селах Очамчирского района Абхазии. Пропали или же были сожжены сталинско-бериевскими сатрапами абхазские песни, записанные Константином Ковачем в селах Гальского района и, конечно, большое количество песен, собранные у абхазов в Аджарии.

Умер человек, остыла его правая рука, так четко и тщательно записывавшая многолетние песни абхазов, но душа его жива в Абхазии и по сей день. В каждой звучащей и поныне записанной им, абхазской народной песне продолжает пульсировать вся деятельность Константина Ковача на благо абхазского искусства.

Справедливы слова великого Дмитрия Гулиа, сказавшего о нем: «Константин Ковач был душой музыкальной школы и училища, вообще, абхазской песни». А вот основанное Константином Ковачем музыкальное училище, по указанию из Тбилиси, было названо именем грузинского композитора Д. Аракишвили, не имевшего никакого отношения к абхазской музыке, да и

культуре, вообще. Из учебного процесса училища был исключен абхазский язык, как и студенты абхазской национальности. Из районов Грузии начался (словно библейский) поход людей в Абхазию — это было запущена в ход ассимиляционная пружина оголтелого национализма. В языках пламени сгорели книги Константина Ковача «101 абхазская народная песня» и «Песни кодорских абхазов», как и сотни его (еще неопубликованных) материалов об абхазской музыке.

...Шли годы, после разоблачения сталинско-бериевской банды, в Абхазии вновь зазвучала абхазская народная песня. Люди из тайников извлекли пропыленные ноты, чудом уцелевшие экземпляры некоторых книг Константина Ковача. Конечно же, эти записи абхазской народной музыки стали неоценимым подспорьем для настоящих и будущих абхазских композиторов и дирижеров. Бесспорно, что материалы Константина Ковача всколыхнули у народа национальное самосознание и любовь к своей музыке. В них современные абхазские музыканты находят гармонию и духовную мощь своего народа, воспевавшего любовь, героизм, и добросердечие. Кстати, вспомним здесь и слова немецкого композитора 19 столетия Роберта Шумана о том, что «Художник должен находиться в равновесии с жизнью, иначе он окажется в тяжелом положении. Освещать глубину человеческого сердца — вот назначение художника». Ценность этого высказывания великого немца знал и венгр Константин Ковач, слившийся воедино с абхазской песней и эти же понятия передал через свои изданные труды будущему поколению абхазов. Великая ему за это благодарность от всего народа нашего. Пусть добрая душа Константина Ковача нас простит за те муки, которые он перенес, в наказание за причастность к абхазской музыке — такова судьба всего народа абхазского, страдающего вечно за свою Апсны. За эту, Богом дарованную, библейской красоты, землю... Так было всегда, на всем протяжении ее существования, но человеколюбивые жители Абхазии всегда остаются достойными своей земли. Как не сломил нас и недавний геноцид, осуществленный грузинскими националистами в 1992—93 гг. Но мы вновь сплотились, выстояли, изгнав вра-

га с нашей земли. И опять зазвучала музыка в стенах музыкального училища, созданного Константином Ковачем еще в далеком 1930 году. Надеюсь, если снова не случится очередной геноцид в Абхазии, то потомки будут чтить память о любимом венгре, ставшем душой абхазских песен.

Нынешний директор Абхазского музыкального училища, фольклорист и дирижер, заслуженный деятель искусств Абхазии Иван Сафарбеевич Шамба как-то сказал: «Мы учимся у Константина Ковача как надо любить абхазский народ и его музыкальный фольклор. Мы благодарим Бога за то, что он повернул в Абхазию жизненный путь венгерского парня, который и рос в окружении абхазских народных песен, а потом сам собрал их, сохранив для нас же. Я дважды, с фольклорным ансамблем «Рица», руководимым мной и заслуженным артистом Абхазии, хореографом Акакием Малиа, побывали в Венгрии. Приходилось только сожалеть о том, что до этого торжества абхазской народной музыки у него на родине не дожил сам Константин Ковач.

В нашем учебном заведении, не постесняюсь этого слова, культ Константина Ковача держится на высоком уровне. Мы вдохновенно обращаемся к нему всякий раз, как специалисту высокого класса, сами, наконец-то, обретшие свободу на земле Апсны 30 сентября 1993 года».

А вот, что сказал главный дирижер и художественный руководитель Государственного заслуженного ансамбля песни и танца Абхазии, народный артист Республики Абхазия, композитор Василий Михайлович Царгуш: «Пока поется абхазская народная песня будет жить и Константин Ковач. Я удивляюсь, как он сумел так глубоко проникнуться душой абхазской народной музыки. Вглядываясь в его фотографию, где он снят в абхазской национальной одежде, не могу скрыть восхищения этим красивым человеком, так естественно вписавшемся в нашу природу.

В своей дирижерской работе я каждодневно «общаюсь» с ним, ибо мы разучиваем те же песни, которым он посвятил свою жизнь. Если в каждой мелодии я слышу и ощущаю дыхание древних абхазов, то мне

кажется я чувствую пристально-профессиональный взгляд собирателя этих песен Константина Ковача. Так, что он вечно с нами и со всем будущим поколением тоже».

В восьмидесятые годы этого уходящего столетия для участия в одном из музыкальных фольклорных фестивалей, с группой певцов и танцоров из Абхазской госфилармонии, в Будапеште побывал известный абхазский композитор, народный артист Абхазии Ражден Гумба. Эмоционально-радостно рассказывал он, с какой любовью венгры слушали абхазские народные песни и рукоплескали им. А может быть, пора уже нашим деятелям культуры самим приглашать к себе венгерских певцов и танцоров, чтобы и нам, абхамам, наконец-то, души свои открыть мадьярским народным мелодиям. И встречи эти посвятить памяти нашего общего брата Константина Ковача. Я же еще в годы чиновничества пытался проводить в системе министерства культуры международный фестиваль музыки (раз в три года), с вручением премии имени Константина Ковача, но... тормоза тбилисского «имперского» мышления не позволяли свершиться благому делу. Теперь же, думаю самое время воплотить эту идею в жизнь.

А в 1974 году на Всемирном фестивале фольклорной музыки, проходившем в столице Венгрии — Будапеште, знаменитый ансамбль абхазских долгожителей «Нартаа» не напрасно завоевал Главный приз «Золотой павлин». Там, столетние старцы — ровесники самого Константина Ковача исполняли мелодии родного музыкального фольклора, которые он в свое время записывал в Абхазии. Ансамбль «Нартаа» под руководством композитора, заслуженного деятеля искусств Абхазии Константина Ченгелиа покорила тогда соплеменников Константина Ковача. Не сомневаюсь, что эти абхазские мелодии, прозвучавшие тогда в Венгрии, сопровождала душа самого Константина Ковача. Да, люди, живущие для благих дел, лишены зла и зависти, и после своей земной жизни, как бы оберегают нас своими добрыми деяниями от жестокости, насилия и невежества.

Один мудрец сказал: «Если странствующий не встретит подобного себе или лучшего, пусть он укреп-

пится в одиночестве: с глупцом не бывает дружбы». Очень жаль, что Константин Ковач в том, 1937 году не смог дружески общаться и дальше с достойными людьми...

Народный артист Абхазии, лауреат Государственной премии имени Дмитрия Гулиа, балетмейстер и основатель танцевального ансамбля «Шаратын», Эдуард Бебиа, трижды бывал с гастролью в Венгрии. Однажды он высказал мне такую мысль: «Когда летим с «Шаратыном» туда, чувствуем, что едем к близким людям. Еще бы, ведь нас единит дух нашего Константина Ковача! И жаль, что могила его не находится в Абхазии... Так хочется прийти и, поклонившись его праху, положить цветы и сказать: «Спасибо, отец, за все, что сделал ты для увековечивания абхазских мелодий!» Я родился как раз в тот год, когда Вам пришлось покинуть любимую Абхазию...»

Конечно, очень даже жаль, что такой человек покойся в ином месте, но пусть и там для него, да будет «апсымра агымзаит унышвынтра», что означает («да, не покинет апсымра (солнце мертвых) твою могилу»).

Фанатично влюбленный в абхазов, в их прошлое и настоящее, в духовную и религиозную культуру, Константин Ковач не мог не знать всего, что говорил о них. Собирая в горных селениях абхазские религиозные и культовые песни, он, конечно же, был знаком и со всеми историческими перипетиями этого народа. Особенно когда читаешь этнографические зарисовки об абхазах Константина Ковача, чувствуешь, насколько обширно и серьезно проникся он жизнью народа, их историческим, религиозным прошлым.

Думаю, что Константину Ковачу были известны слова великого просветителя славян Кирилла, который со своим братом Мефодием создали им азбуку тысячу лет тому назад (на рубеже XI—X вв.), сказавшего в споре с венецианским духовенством так: «Как вам не стыдно, принимать во внимание только три языка, а прочие народы и племена заставлять быть слепыми и глухими?» Мы же знаем много народов, имевших письменность на своем языке — армяне, персы, авазги (абхазцы), иверы (грузины), сугдеи (аланы из Сугдеи),

готы (крымские готы), авары, турки, хазары, арабы, египтяне, сирийцы и многие другие народы». (Цит.: Журн. «Литература в школе», М., № 2, 1992 г., с. 73).

Великий просветитель Кирилл возмущался против мнения византийских имперских деятелей, считавших, что «только три языка в обществе являются достойными для богослужения и написания книг — древнееврейский, греческий и латинский». Именно прошлое абхазов было той притягательной мощью, которая влекла Константина Ковача в горы, в долины Абхазии для постижения им силы духа народа, выраженного в песнях, танцах и верованиях абхазов. А нас притягивает к нему любовь и понимание им нашего прошлого и культуры нашей. Словом, каждый из нас в этом мире должен чтить память тех людей, которые сделали доброе, полезное и очень нужное дело для нравственного облика людей. Считаю и себя вечным должником перед памятью Константина Ковача. В этой связи скажу, что будучи министром культуры Абхазии еще в те времена, когда тбилисская «империя» диктовала «малым» народам, кому быть вечным, а кому и нет, я сумел-таки добиться присвоения имени Константина Ковача первой сухумской музыкальной школе, которую он основал когда-то. Опубликовал несколько статей о нем, провел в 1980 году юбилейный вечер, посвященный его памяти в связи с 80-летием. В том же году написал пьесу под названием «Горы смотрят в море», где одним из главных героев является сам Константин Ковач. Пьеса была поставлена на абхазской сцене талантливым режиссером, большим поклонником творчества Константина Ковача, заслуженным деятелем искусств Абхазии Дмитрием Кортаа. В главных ролях выступили народные артисты Абхазии Софа Агумаа и Нурбей Камкиа. В роли Константина Ковача выступил актер Геннадий Тарба.

Вошла эта пьеса и в сборник моих пьес (всего 15 произведений), который был выпущен в Москве издательством «Советский писатель» еще в 1986 году. Книга так и называется: «Горы смотрят в море», и посвятил я ее памяти Константина Ковача. Таким образом, я сделал, что смог в свой период министерской деятельности, а в будущем... есть кое-какие задумки...

1000p

Да, жизнь течет, и будущие поколения абхазов, надеюсь, приумножат начатое предыдущими творцами.

Абхазы говорят: «Не было бы сбившегося с пути — не было бы и направляющего»... Так случалось столетиями — абхазов старались сбить с пути жизненного (об этом и сам Константин Ковач писал в своих книгах), но они выживали и достойно продолжали свое историческое движение вперед. Теперь, когда у нашего народа «свои направляющие», думаю, поколение так же станет достойными потомками тех, кто веками создавал чарующие, мощные и чуткие, суровые и нежные, печальные и звонкие, потешные и героические мелодии. А значит, не забудется и человек, единственный в своем роде, с таким простым, но великим для абхазов именем — Константин КОВАЧ.

В свое время этот дорогой для нас человек упоенно писал об абхазах следующее: «Они (абхазы) — поют и танцуют неустанно; развлекая гостя — они поют и танцуют; дома, в перерывах на полевых работах, во время отдыха, по пути в горы и т. п. — поют и танцуют; на свадьбах и поют и танцуют; в ожидании начала сельского схода — поют и танцуют; в школах, в свободное время — поют и танцуют; перед началом устраиваемых скачек, поют и танцуют. Вся их жизнь тесно переплетена с народной музыкальной культурой. И это — прекрасно!»

Провидческие слова высказал Константин Ковач, ибо пока абхазы будут петь и танцевать, стало быть народ будет жить веками, а вместе с ним и сами исследователи его духовного богатства. Хотя, в народе говорится и так: «Человек больше ценится мертвым, чем живым». А жаль...

АБХАЗИЯ

Сухум, 31 мая 1995 г.

КОНСТАНТИН КОВАЧ И АБХАЗСКАЯ ПЕСНЯ АЛЕКСЕЙ ХУТОВИЧ АРГУН

Редактор А. ТАРИА.

Художник Л. ЕВМЕНОВ.

Технический редактор Л. ЕВМЕНОВ

Корректор Т. АЛЕКСЕЕВА, А. МХИТАРЯН.

Формат 84x108 1/32. Физ. печ. л. 1,13. Усл. печ. л. 1,89.

Уч.-изд. л. 1,83. Заказ 464. Тираж 500. Цена договорная.

